

Теперь удивился Сюй Сицзин. Он-то думал, Карен потерял расположение из-за того, что надоел Цинь Цзэюаню своими притязаниями, и получил от него взбучку. Ан нет — оказалось, от Чжоу Фаня. Неудивительно, что Карен так кипел. Сюй Сицзину даже стало его жаль — и за судьбу, и за ум.

Чжоу Фань был куда спокойнее. Холодно бросил:

— Карен, не понимаю, как можно быть таким тупым. Что ты добьёшься, избив меня? Я тебя ударил — господин меня наказал, отправил на съёмки. Для него дело закрыто. А ты лезешь, будто тебя не касается. На площадке полно народа. Тебе-то, большой звезде, какой урон? Или мне, мелкому помощнику?

Сюй Сицзин подумал: верно. Цинь Цзэюань и впрямь ценит порядок: что начал — то и закончил. История Карена и Чжоу Фаня завершилась пощёчиной. А когда завершится его собственная?

Карен тоже струхнул, но старался держаться:

— Кто посмеет раззвонить? Да и кто видел, что я с тобой сделал?

Чжоу Фань лишь покачал головой, словно глядел на безнадёжного, и отвёл глаза.

Карен, чувствуя себя не у дел, перевёл гнев на Сюй Сицзина:

— Ты тоже не злорадствуй. Сам-то, небось, ещё глупее. Святоша нашёл? Оставил его при себе? Смотри, живём сожрёт, костей не соберёшь.

Сюй Сицзин, ни с того ни с сего попав под раздачу, счёл это несправедливым. Спорить с Кареном не хотелось, и он, открыв дверь, вышел обратно на площадку. Чжоу Фань последовал за ним, оставив Карена в одиночестве. В итоге дрожащий помощничек Карена уговорил того выбраться из машины и увёл.

Весть о пощёчине быстро достигла ушей Цинь Цзэюаня. Он как раз был в тех краях по делам и не уехал. Закончив работу, Сюй Сицзин не удивился, обнаружив его в своём номере.

Цинь Цзэюань взглянул на него и распорядился:

— Позови Чжоу Фаня сюда.

Сюй Сицзин округлил глаза:

— Чтобы я его в свой номер привёл? Ты не можешь другой снять?

Цинь Цзэюань проигнорировал. Видя, что тот не шевелится, набрал Лао Суна. Сюй Сицзин задрожал от ярости. Цинь Цзэюань и впрямь не знал границ. Номер был с одной кроватью. Неужели он всерьёз собирался просто «утешать» Чжоу Фаня под одним одеялом?

Впервые Сюй Сицзину стало по-настоящему тошно.

Чжоу Фань быстро поднялся. Лао Сун был понятлив и не пошёл следом. Тот одиноко стоял в дверях, выглядел куда более потрепанно, чем днём: волосы растрёпаны, глаза заплаканы. Увидев Цинь Цзэюаня, бросился к нему, рыдая:

— Господин, я больше не смею! Заберите меня обратно, позвольте быть рядом! Он сказал...

сказал, что это не конец... Я... я так боюсь...

Сюй Сицзин вышел, притворив дверь. Не хотел слышать ни рыданий Чжоу Фаня, ни утешений Цинь Цзэюаня.

Он стоял в коридоре, чувствуя пустоту. Так вот как... Оказывается, Цинь Цзэюань тоже умеет быть нежным. В щель захлопывающейся двери он успел заметить, как тот по-домашнему целует слёзы на щеке Чжоу Фаня. Таким Цинь Цзэюаня он ещё не видел.

Даже до шестнадцати тот был скорее строг, чем снисходителен. Вечно занятой, он не утруждал себя наставлениями. Выходя с Сюй Сицзином в свет, лишь представлял его и погружался в свои дела.

Тогда Сюй Сицзин благоговел перед ним, поклонялся, как далёкой и ослепительной звезде.

Цинь Цзэюань растил его двенадцать лет. И лишь сегодня Сюй Сицзин узнал, что и эта звезда может приглушить сияние, стать мягкой и близкой.

Заодно он понял: сколь бы ни был умен и трезвомыслящ человек, любовь способна затмить разум. Игра Чжоу Фаня была до того топорной, что Сюй Сицзин, со стороны, видел всё насквозь. Цинь Цзэюань же — нет. А может, и не хотел видеть.

Сюй Сицзин прислонился к стенке лифта и медленно сполз на пол.

Лифт «динькнул». Двери разъехались.

Он жил на последнем этаже, и гости здесь были редки. Сюй Сицзин подумал, что это, наверное, Лао Сун или кто-то из свиты Цинь Цзэюаня. Но услышал голос одновременно и знакомый, и чужой:

— Сяо Цзин, что ты тут сидишь?

Сюй Сицзин поднял голову. Перед ним стояла Кун Вэйвэй, та самая поклонница. Он не ожидал её здесь увидеть. После того случая, когда Цинь Цзэюань застал их с подружками у гостиничного номера, он дал указание охране. С тех пор ни на лифте, ни по лестнице фанаты не поднимались.

Кун Вэйвэй, видя его недоумение, смутилась:

— Раньше... раньше мы поднимались почти до самого верха, а потом шли пешком. Но теперь и там охрана. Пришлось снять номер на верхнем этаже. Ты вернулся, вот я и пришла. — Заметив, что лицо Сюй Сицзина всё ещё мрачно, она замахала руками:

— Я-я-я... я редко хожу! Просто хотела взглянуть!

— Разве у тебя своих дел нет? — буркнул Сюй Сицзин, нажимая кнопку вызова.

Вопрос прозвучал риторически, но Кун Вэйвэй, влетев в лифт, принялась серьёзно отвечать:

— У меня мало пар! Можно и пропустить, но я не отстаю! Я хорошо сдаю экзамены! В следующем году заканчиваю, уже поступила в магистратуру в Америке! Не в Лигу плюща, конечно, но я и так довольна! Сама всё сдала! Просто хочу повидать тебя перед отъездом, а то там уж далеко будет, не увидимся!

Сюй Сицзин онемел от её болтовни и наконец спросил:

— Пить не хочешь?

Кун Вэйвэй оживилась:

— А, Сяо Цзин, ты пить хочешь? — Она сняла рюкзак и вытащила две бутылки:

— На! Очень вкусный! Отлично жажду утоляет!

Сюй Сицзин остолбенело смотрел на вручённый ему напиток. К счастью, лифт прибыл, и он поспешил выйти.

Лао Сун сидел у панорамного окна в лобби, попивая кофе, и поманил его. Сюй Сицзину идти было некуда, и он подошёл.

— Ну как, на душе? Не сладко? — поинтересовался Лао Сун.

Сюй Сицзин глянул в окно и фыркнул:

— С чего бы? Он нашёл истинную любовь — прекрасно. Может, теперь и меня отпустит.

Лао Сун усмехнулся:

— Сяо Цзин, твой главный недостаток — слишком острый язык. Не щадишь ни других, ни себя.

На улице уже сгустились сумерки. Маленький городок затихал, смотреть было не на что. Сюй Сицзин повернулся обратно:

— Мне всё равно, с кем он. Ко мне это не относится.

— Если всё равно, нечего хмуриться. Захоти — господин на руках носить будет.

Сюй Сицзин передёрнуло:

— Не стану я закатывать истерики и сцены ревности. Пусть ищет других.

Лао Сун снова усмехнулся:

— Значит, дело не в отсутствии чувств, а в нежелании.

Сюй Сицзин, пойманный на слове, лишь сердито хмыкнул.

— Ладно, это между вами, я не судья. Зато у меня тут два сценария, ничего. Позже дам, посмотри, какой больше нравится.

Сюй Сицзин кивнул и добавил:

— Сними мне другой номер.

Новый номер оказался по соседству со старым. Выйдя из лифта, Сюй Сицзин принялся звонить в дверь, злорадствуя при мысли, что срывает Цинь Цзэюаню вечер.

Дверь открыл Чжоу Фань. Ясное дело, сам Цинь Цзэюань не снизошёл бы до роли швейцара, да ещё и подставляться под колкости. Чжоу Фань был в халате. Полы расходились, обнажая грудь,

покрытую пёстрой россыпью красных и белых следов.

Сюй Сицзин окинул его медленным взглядом и прошёл внутрь, бросив на ходу:

— Халат-то мой. Не брезгуешь, я смотрю. И не постирал даже. Видно, на вкус и цвет...

Лицо Чжоу Фаня залилось краской, сравнившись с оттенком обнажённой кожи.

<http://bllate.org/book/16267/1463738>